

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

АНТОН
ЧИЖ

КАМУФЛЕТ

РОМАН

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Чиж, Антон.

Ч-59 Камуфлет : роман / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-102626-4

Ужасные, кровавые преступления сотрясают Петербург начала XX века: при странных обстоятельствах гибнут красивые мужчины. У кого-то в руках взрывается скрипка редчайшей работы, кто-то травится дорогой сигарой, кто-то включает заминированную настольную лампу или входит в заминированную дверь... Родиону Ванзарову из сысской полиции Петербурга предстоит собрать воедино мозаику этих убийств и прийти к совершенно невероятному выводу. Ванзаров узнает, что Российской империи грозит огромная опасность — следствие отчаянной любви последнего русского императора Николая II...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102626-4

© Чиж А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

• ВСТУПЛЕНИЕ

Милостивые сударыни!
И не менее милостивые господа!

Чиновник для особых поручений Родион Ванзаров, знакомый вам по множеству приключений, среди множества достоинств до сих пор имел один существенный недостаток. Или достоинство. Это с какой стороны посмотреть.

В общем, скажем прямо: Ванзаров был не женат.

Многие высказывали автору громкое недоумение: как же так? Мужчина в полном расцвете сил и умственных способностей и вдруг — не женат!

Мы отвечали им: потому и не женат, что в умственных способностях. Но они, въедливые, не слушали резонов и требовали отвести ни в чем не повинного Ванзарова под венец.

Ну что тут поделать?!

Разве только пойти на отчаянный шаг.

Провести эксперимент над живым персонажем.

Эх, была не была...

Итак, милостивые сударыни и судари, давайте вообразим, что Родион Ванзаров все-таки женился, остепенился и в каком-то смысле счастлив в семейной жизни.

Посмотрим, какой из этого выйдет камуфлет...

В общем — слово за вами, бесценные читатели!

Остаюсь искренен ваш

Антон Чиж

Нам пишут из Варшавы. Варшавские извозчики собрали сход и решили, что пассажиры должны обращаться к ним на «вы».

«Петербургский листок», август 1905-го

— Paull, — закричала графиня из-за ширмы, — пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

— Как это, grand'maman?

— То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников!

— Таких романов нынче нет. Не хотите ли разве русских?

— А разве есть русские романы?

«Пиковая дама»

Невская лососина за пуд 20—22 руб.

Икра астраханская осетровая за пуд 100—120 руб.

Саратовские яблоки за пуд 1.80—3 руб.

Арбузы камышинские за десяток 2—3 руб.

Помидоры за лукошко 1.10—1.40 руб.

Картофель «Император» за мешок в три меры
1—1.20 руб.

Цены на рынках в августе 1905-го

Августа 6-го дня, года 1905,
половина одиннадцатого, воздух +24°С.
Сначала у Финского вокзала,
потом в Выборгском участке

«Стало быть, терпение лопнуло. Ну в самом деле! Торчишь пнем, у всех на виду, а господин хороший уже третий час не изволят явиться. Да за такие муки, какой синенькой, красненькой не отделаться. Даже двумя. Нет, пора честь знать. Все, ни минутки более, вон и лошадь умаялась, на пекле жарится, животину сгубить недолго».

Так, а по правде грубее, шевелил мозгами штатный извозчик столицы Российской империи за номером «И-853», а по паспорту, которого у него отродясь не водилось, и вовсе Никифор Пряников.

Что стряслось? А то и стряслось, что без полицейской власти не подсобить. Собрался мужик по утру денежку заработать, а тут на тебе — сплошь убытки. Обманул, бес проклятый! А еще виду благородного! Как хотите, а в Петербурге никому верить нельзя. Все норовят соскочить, не заплативши, иль сунут медяк за серебро. Сплошь обиды трудовому народу.

Никифор натянул вожжи и, угостив затомленное животное крепким словцом, поворотил. Под тяжестью груза колеса скрипели жалостным воем, как жизнь Пряникова. Отъехав от вокзальной площади, направил оглобли он к известному всей округе двухэтажному зданию.

Опора полицейской власти на одной двенадцатой части Петербурга пребывала в плачевном небрежении. Будучи глубоко окраинным, Первый Выборгский не заслужил начальственного внимания, отчего фасады об-

шарпались, потолок дежурной части пошел расписными пятнами неизвестного происхождения, лавки истерли до полного неприличия, а каждый, кто попадал в неприветливые стены, ощущал в воздухе аромат мадеры, что была бы воля — сразу сбежал бы без оглядки. Участок пропах невообразимым сочетанием потных портянок, мокрой шерсти и засаленных кастрюль. Кого хочешь проберет.

Впрочем, дежурный чиновник Амбросимов так обвыкся в атмосфере присутственного места, что не думал искать лучшего, а душевно терзал муху на листке прошения, лежавшего поверх нового уголовного романчика Грина «Рука и кольцо» (семьдесят пять копеек за том). Как вдруг дневной покой, оглашаемый храпом отловленного бродяжки и смутным эхом воплей из «сибиряки», грубо нарушил хлопок двери.

Амбросимов сонно поднял голову. Очам его предстала отвратительная фигура извозчика, которая, заломив шапку, всем своим видом выражала нужду. По опыту титулярный знал: пользы от этого народа не дождешься.

— Что шумишь, мерзавец? — с беззлой ленью проговорил он. — Докладывай четко, не мельтеши, а то не понять, каша у тебя во рту, что ли. Ты говоришь великим языком, на котором сам Пушкин Альсан Сергеич изволили выражаться, рожа твоя неумытая.

Никифор приблизился к стойке и, эдак картинно положив руку на сердце, излил свое горе абракадаброй неподражаемого наречия, пересыпая речь чем-то вроде «млин» и «тыкс» и какими-то уж совсем диковинными словесами.

Напор пришлого басурмана был отчаянный. Волей-неволей пришлось прислушаться. Амбросимов стал понимать и даже складывать звуки в осмысленные пред-

ложения, несмотря на жару и стойкое желание бросить все и скорее забраться в дачный гамак с графинчиком рябиновой настойки.

Бедствие возничего казалось забавным. Выходило, что его натурально обманули. Ну, уж как-то так невинно, прямо скажем, надули, что и жаловаться грех. Оказывается, часа три тому Никифора остановил господин приятной наружности на углу Арсенальной и Полуостровской набережной, чтобы подвезти на Финский вокзал сундук, громоздившийся на тротуаре в равнодушном покое. Вещь оказалась изрядно тяжелой, хоть и не громоздкой. Сговорившись на трех рублях, сумме, прямо скажем, грабительской даже по такой погоде, Никифор кое-как, а более с помощью пассажира, водрузил поклажу на закорки. Оба употели так, что господин вытирал капли со лба. Но худо-бедно тронулись.

По дороге пассажир веселился, сыпал шутками и даже напевал куплеты. Но, завидя вокзал, вдруг принялся хлопать себя по карманам, заявив, что забыл важный документ, без которого никак не сможет тронуться по железной дороге. За обещанную мзду Никифор готов был уж повернуть, но седок соскочил, крикнув на ходу, чтоб извозчик дожидался его у касс первого класса. Сам же резвым аллюром пустился восвояси.

Честный труженик извоза исполнил все в точности: встал у касс и принялся ждать. И утомлялся этим занятием от восьми до десяти. Но пассажир не изволил явиться. При этом сундук был предоставлен в полное распоряжение Пряникова. Не имея куражу покуситься на чужое добро, впрочем, и отказаться от своего, извозчик счел за благо направиться в полицию.

Сраженный скорее уморительным происшествием, чем честностью «ваньки», Амбросимов приказал заносить скарб.

Двое городовых, недобро зыря на Никифора, по милости которого их оторвали от чая, кряхтя и, что скрывать, матерясь шепотком, втащили поклажу.

Вещь оказалась приметной. На створках шли затейливо резанные по дереву сцены истории, как видно, евангельской. Стоит поклажа не меньше того, что задолжал пропавший пассажир. А может, изрядно больше.

И что поделать полицейскому чиновнику? Инструкций на такое происшествие даже сам губернатор Клейгельс, обожавший писать распоряжения и правила для полиции, не составил.

Для начала Амбросимов потянул носом. Показалось, веет душком, не то сладковатым, не то приторным. Титулярный осторожно похлопал по крышке сундука и даже попытался вскрыть. Оказалось, сундук заперт. Ключ, без сомнения, остался у пассажира. Видя, что положение безвыходное, Амбросимов решился тревожить местное божество, а именно участкового пристава.

Подполковник Шелкинг покинул кабинет свой, где в окно приятно дуло, с большой неохотой. Но, как любил говорить он подотчетным купцам, принимая щедрые подарки на Пасху, «ноблес обличж». Что купцы, правда, понимали по-своему.

Ксаверий Игнатьевич осмотрел диковинку, строго отмахнулся от жалоб просителя, но изволил царапнуть ногтем крышку. Следствием чего стала досадная ссадина. Пристав счел ее личным оскорблением и приказал крушить врага.

В дежурной явился лом, прозябавший до первого льда во дворе рядом с дровницей. Инструмент был вручен самому здоровенному городовому. Поплевав на ладони более для традиции, чем для нужды, страж ткнул цефье в щель и легонько провернул. Сундук, жалостливо крикнув, сдался.

Душноватый аромат, до того едва различимый в воздухе участка, излился из ящика. Считая себя сугубо воспитанной личностью, пристав нос прикрыл, однако крышку приказал поднять.

Исполнив, дежурный Амбросимов случайно глянул внутрь и немедленно захотел потерять сознание, но постеснялся выказать слабость при начальстве.

Сам же Никифор, вознесясь над полицейскими спинами на цыпочках, кое-как покосился на поклажу, но тут же отпрянул и перекрестился истово не менее шести раз, призывая в защиту крестную силу. А вдобавок обложил свою головушку дурным словом за то, что не скинул обузу в глухом дворе.

**Августа 6-го дня, года 1905, десять утра, все так же.
Управление сыскной полиции Петербурга,
Офицерская улица, 28**

Климат Приневского края специально избран, чтобы жители, обреченные быть населением столицы, получали в каждую пору неописуемые развлечения. Зима балует лютыми морозами и ледяным ветром с залива, от которого коченеют в организме кости, весна и осень награждают наводнениями под нескончаемым дождем, а летом, непременно в августе, разражается такая жара, что все живое проводит дни в отупляющем безделье.

Но есть горстка храбрецов, которые и в такую погоду тянут лямку службы. Вот, к примеру, один из них топчется на углу Офицерской и Львиного переулка в спасительном тенечке. Кафтан небеленого сукна, фуражка с номерным околышем, плетеный шнурок, убегающий в кобуру, шашка и суконный кушак с пряжкой указывают на принадлежность к полиции, а именно к чину городского. А вот другого смельчака сразу не распознаешь.

В самом деле, что примечательного в господине, покинувшем пролетку? Да ничего. Самый распосредственный городской типаж. Разве одет не как полагается государственному чиновнику, а в светлую «тройку», правда, из добротного сукна.

Во внешности приехавшего не сыскать черт особо выдающихся: не сказать, чтобы высокий, но и не низкий, по виду крепко сбитый, коренастый, может, слегка полноватый, но в самую меру. Возможно, некая дама засмотрится на мощные плечи, а другая восхитится холеными, но сильными пальцами, что играючи колют грецкий орех. И уж никакая женщина не останется равнодушной к пушистым усам карего отлива, с аккуратно сведенными стрелочками.

Мужчина этот, возрастом не старше третьего десятка, производил редкое впечатление природного достоинства. Даже сановник не смел ему «тыкнуть», а тем более небрежно подать пальчик к приветствию. Исходила от него таинственная сила, скорей привлекательная, чем опасная. Некоторые сочли ее наглостью, другие умом, а кое-кто был уверен в безграничном цинизме, крившемся в характере. Может, причиной всему хитрый татарский прищур, однако, голубых глаз под сенью русого вихра.

Приметив господина, городской шагнул на солнцепек, вытянулся по стойке «смирно» и образцово отдал честь, при этом улыбаясь приветливо, чем выказал внеслужебное уважение. Господин кое-как махнул в ответ и скрылся за дверями.

Здесь ему стало душно. На ходу кивая и возвращая приветствия, минул он два этажа, отданных III участку Казанской части, и оказался на третьем, где квартировало Управление сыскной полиции.

Дежурный чиновник, коллежский регистратор Мишук, доложил, что за ночь особых происшествий, слава богу, не случилось: пяток ограблений прохожих да две кражи на полкопейки. Получена депеша о задержании знаменитого вора-карманника «Хрустала» — Ермолая Хрусталева (тридцать восемь судимостей), но заслуги полиции никакой: скрутил пассажир поезда, у которого вор срезал золотые часы. Господин принял корреспонденцию и удалился в кабинет. Там он первым делом скинул пиджак, ослабил до возможности шелковый галстук, распахнул окна, выпил полный стакан воды и только тогда вздохнул с некоторым облегчением.

— Просто каторга! — проговорил он, подставляя покрасневшее лицо слабому ветерку. — Каждый день нестись за город, чтобы комаров кормить. Наказание какое-то...

Надо ли пояснять, что герой наш был невольник семейного долга, который каждое лето вывозит домочадцев на дачу, а сам вынужден бегать по лавкам, закупая горы провизии, трястись в дачном поезде, глотать остывший обед, страдать от летучей живности, спать неудобно и каждое утро терять драгоценный час сна, чтобы уснуть